

Глава 15

Чжао Фэнъяо отправил скриншот с сообщением об ошибке и, заметив, что рабочий день подходит к концу, выключил компьютер, решив больше не забивать себе этим голову.

В маркетинговом отделе корпорации «Гу» на мониторе Тао Шуня отображалось то же самое. Взглянув на часы, он без малейших колебаний завершил работу и отправился домой. Подумаешь, проблема, которая решается простой перезагрузкой. В крайнем случае можно позвать техника. Мелочь.

Несмотря на то, что вопрос был улажен вполне удовлетворительно, у Гу Чжэнцина на душе остался неприятный осадок, словно он проглотил муху.

Было уже за шесть. Стоя у дверей личного лифта, он отправил сообщение юноше.

[Azazel: Приглашаю на ужин. Что хочешь?]

[Мосюю: Не пойду, у меня вечерние занятия.]

[Azazel: Какой прилежный. А кто говорил, что по сравнению с едой вечерние занятия — ничто?]

[Мосюю: Кажется, я. Но я пока не взошёл на трон, так что моё слово ещё не закон.]

Гу Чжэнцин шагнул в кабину лифта, и на его губах промелькнула лёгкая улыбка.

[Azazel: Ну, нет так нет.]

Он уже собирался убрать телефон в карман, как тот снова завибрировал.

[Мосюю: Настроение плохое?]

Мужчина лишь отметил про себя:

«А он довольно проницателен»

[Azazel: Да, подташнивает.]

[Мосюю: Что, я стану отцом?]

[Мосюю: Неужели я настолько крут, что могу обрюхатить Бету? Да ещё и за одну ночь.]

Гу Чжэнцин не мог понять, зачем он вообще написал Шэнь Чэню. Исход был предсказуем.

[Azazel: Катись.]

[Мосюю: Жду у школьных ворот.]

[Azazel: А как же занятия?]

[Мосюю: Прогуляю.]

Бизнесмен потянул на себя дверцу машины, и остатки его совести заныли. Что он творит, этот беспринципный делец? Он губит едва распустившийся цветок нации, будущее страны.

Сев в салон, он включил песню «Если молодёжь сильна — сильна и страна».

Когда мелодия отзвучала, он, словно очистившись душой, отправил Шэнь Чэню новое сообщение:

[Azazel: Поужинаем в другой раз. Возвращайся на занятия.]

[Мосюю: Дядя, ты болен?]

[Azazel: Нет.]

Час пик. Водитель медленно вёл машину по спиральному пандусу парковки.

Пять минут спустя Гу Чжэнцин получил десятисекундное видео.

В кадре были лишь кончики пальцев подростка. Закатное солнце заливало светом заваленный тетрадями стол. Большой палец нежно поглаживал голову плюшевого мишки. Движение было лёгким, как дуновение ветерка, и ворсинки на игрушке послушно склонялись в сторону.

Гу Чжэнцин, не моргая, досмотрел видео до конца, и... его накрыло.

Волна чистого психологического удовольствия.

Определённо, нельзя никому показывать свои слабые места. Этот парень играл не по

правилам.

[Мосюю: Нравится? Под рукой только это. В следующий раз покажу что-нибудь другое.]

Гу Чжэнцин... Да когда же это кончится.

[Azazel: Не нравится.]

[Мосюю: О, тогда больше не буду присылать.]

В голове мужчины всплыло одно слово:

«Злой рок»

Неужели этот мальчишка и есть его злой рок?

[Мосюю: Почему ты не в духе?]

[Azazel: Те двое болтунов, которых ты избил на улице, — сотрудники моей компании. Один из них — директор.]

[Мосюю: Тогда дядя и впрямь не слишком разборчив в людях.]

Гу Чжэнцин погасил экран. Отвечать не хотелось. Он чувствовал, что разговор с Шэнь Чэнем — это добровольный поиск унижений.

Пять минут спустя.

[Мосюю: Уверен, ты их уволил. Потому что мой покровитель — человек, не терпящий соринки в глазу, честный, добрый и преисполненный чувства справедливости.]

Изначально Шэнь Чэнь напечатал «старик», но потом, вспомнив, что пытается его задобрить, убрал первое слово.

Гу Чжэнцин вздохнул.

«Пожалуй, такой разговор можно и продолжить»

[Azazel: Угу.]

Настроение всё ещё было паршивым, поэтому он ограничился коротким ответом.

[Мосюю: Эти двое только с виду приличные люди. Стоило им немного выпить, как наружу вылезла их истинная сущность. Неудивительно, что ты был обманут, дядя. Ты ведь управляешь такой огромной компанией, дел по горло.]

Гу Чжэнцин не ответил.

[Мосюю: То, что ты, узнав правду, сегодня же их уволил, — эта решительность и компетентность вызывают во мне восхищение.]

[Azazel: Если бы ты всегда был таким, я бы баловал тебя почаще.]

[Мосюю: Я стараюсь. Но я ещё молод, не избит жизнью, иногда трудно сдержать свою натуру.]

[Мосюю: Ты был рождён, когда меня не было, я был рождён, когда ты уже стар. Ты считаешь меня незрелым, я ненавижу твою ветреность.]

Сентябрьский вечерний ветерок принёс прохладу. Закат окрасил мир в золотистые тона. В открытое окно автомобиля виднелся профиль мужчины, на лице которого застыло выражение, среднее между гневом и смехом.

Водитель, бросив взгляд в зеркало заднего вида, невольно улыбнулся.

Господин стал гораздо живее.

Гу Чжэнцин посмотрел на часы.

[Azazel: Иди на занятия, двоечник.]

Ещё смеет говорить, что Гу Чжэнцин себя нахваливает. Сам-то он в этом ничуть не уступает.

Прочитав сообщение, Шэнь Чэнь сунул телефон в парту и взялся за ручку, чтобы делать задания.

Цзян Иян тайком грыз сухарики. Боясь нашуметь, он жевал с предельной осторожностью. Он сидел за одной партой с гением, и даже если тот не обращал на него внимания, его присутствие поневоле влияло.

Шэнь Чэнь взглянул на соседа. Тот поспешно проглотил недожёванные сухарики.

— Я завтра принесу что-нибудь бесшумное, — прошептал Цзян Иян.

Затем, уткнувшись в парту, он пробормотал:

— Эх, а всё-таки ты не похож на мои представления о гениях.

Да, именно о гениях. На вступительных экзаменах его новый сосед по парте, который перевёлся из другого города, где учебные программы совершенно другие, занял первое место в параллели. Без всякого переходного периода, с первой же попытки взлетел на вершину.

— Чем же не похож? — спросил Шэнь Чэнь.

— Твои поступки не соответствуют твоей ангельской внешности.

С такой внешностью в романах он был бы главным героем, который спит на уроках или, по крайней мере, ведёт себя высокомерно.

Но парень был другим. Мало того, что он внимательно слушал на уроках и не отвлекался, так ещё и на каждый вопрос учителя тянул руку.

На каждом уроке. По каждому предмету. Каждый раз.

Их строгий классный руководитель улыбался до ушей и в конце концов мягко махал рукой:

— Хорошо, хорошо, учитель знает, что ты всё можешь, дай шанс и другим ученикам!

И когда ученики из их класса или из других классов приходили поглазеть на него, Шэнь Чэнь позволял им смотреть. Если в их взглядах не было злого умысла, ему, казалось, было всё равно, даже если его просверлят насквозь.

Недавно Цзян Иян видел, как Чэнь Сянсинь, поглаживая свою лысину, с умилением смотрел на юношу и вздыхал:

— Если бы все ученики в классе были как Шэнь Чэнь, я бы до ста лет дожил.

Дело было не в оценках. А в том, какой он был послушный!

— Позёр, — не выдержав, бросил Чжэн Цзыан, когда его младший брат снова обернулся с

влюблённым видом.

Чжэн Цзыан и его брат были близнецами. Оба уже прошли дифференциацию: Цзыан стал Альфой, а Цзыюй — Омегой.

Средняя школа №6 была государственной. Они, как-никак, были богатыми наследниками и по своему кругу должны были учиться в частной школе, которую, хоть и не принято было называть элитной, по сути, таковой и являлась.

Но с самого детства родители твердили им, каким выдающимся был их старший брат. В сердце Чжэн Цзыана восхищение Чжэн Елэем, своим братом-бетой, смешивалось с тайным желанием превзойти его. Поэтому он поступил в ту же государственную школу, что и его старший брат, чтобы доказать, что он ничуть не хуже.

Елэй прошёл дифференциацию ещё до старшей школы. Из-за поступка родителей он к тому времени уже отдалился от семьи и решил порвать с ней все связи. Он учился не в одной школе с Гу Чжэнцином и Лоу Кэ, но это не повлияло на их дружбу.

Отношения между близнецами, раньше вполне тёплые, испортились с появлением в классе Шэнь Чэня.

Чжэн Цзыюй то и дело вздыхал:

— Какой красивый! Как может существовать такой красивый Альфа? Я влюблён.

— У-у-у, Шэнь Чэнь такой хороший! Умный, как гений, но без высокомерия. Сильный, как король школы, но без жестокости и холодности.

И сейчас юноша, повернувшись боком, тайком любовался сидевшим у стены одноклассником, утопая в его красоте.

Услышав слова Чжэн Цзыана, он обернулся и гневно посмотрел на него:

— Сам ты позёр!

— Ты можешь быть хоть немного сдержаннее? Иметь хоть каплю достоинства?

— Хочу — буду сдержанным, не хочу — не буду. Тебе-то что? — фыркнул он. — Вот Елэй — другое дело. Если бы можно было выбирать, я бы ни за что не хотел быть твоим близнецом.

Чжэн Цзыан был в ярости.

— А ты думаешь, я хочу? Глупый и недалёкий. Тебе нравится старший брат, а он на тебя хоть смотрит? Кто это на свой день рождения даже куска торта от него не дождался?

Младший сверкнул на него глазами.

— Елэй занят, у него в участке полно дел! Думаешь, он такой же бездельник, как ты? И вообще, он прислал мне красный конверт и поздравил с днём рождения. А кто-то, у кого день рождения в тот же день, как только услышал, что я получил подарок, тут же бросился проверять свой телефон. Жаль, жаль, старший брат отправил только мне, а кое-кому — нет.

Лицо Чжэн Цзыана побагровело, потом побледнело. Наконец, он с шумом захлопнул книгу и вскочил, чтобы уйти.

Но сейчас были занятия, и в коридоре то и дело проходили учителя. Уйти было нельзя, поэтому он просто поменялся местами с учеником, сидевшим на два ряда дальше.

Цзыюй было всё равно. Он снова повернулся, чтобы украдкой посмотреть на Шэнь Чэня.

«Ах, какой же он красивый. Ну как можно быть таким красивым?»

Раньше он считал самым красивым другом семьи Гу Чжэнцина. А теперь встретил ещё одного.

Брата Цина нельзя видеть каждый день, а этот — в одном классе, можно любоваться постоянно.

Не то чтобы брат Цин был менее красив, чем Шэнь Чэнь. Они оба были невероятно хороши, просто по-разному.

Гу Чжэнцин — это красота утончённого злодея, очарование зрелого мужчины.

А Шэнь Чэнь... он просто был сокрушительно красив.

Школа находилась недалеко от дома старушки: двадцать минут пешком, пять минут на велосипеде.

Уличные фонари вытягивали тени. Шэнь Чэнь шёл своей дорогой. Ли Ихан и Ху Чжифань бежали за ним, их рюкзаки подпрыгивали на спинах.

— Брат Чэнь, брат Чэнь!

Шэнь Чэнь остановился под фонарём, ожидая их.

Они тоже учились в выпускном классе. Перевести их всех в один класс было бы слишком заметно, поэтому ребят определили в разные. Шэнь Чэнь попал в первый класс, а они — в третий.

Ли Ихан и Ху Чжифань подбежали с сияющими лицами, словно выиграли миллион.

Каждый держал в руках по карточке.

— Школьная столовая карта, — сказал Ли Ихан. — Молодой господин, пользуйтесь сколько угодно, мы пополнили её до отказа.

— Накопительная карта из супермаркета у школы, — добавил Ху Чжифань. — Деньги уже на счету.

Шэнь Чэнь, засунув руки в карманы, опустил на них спокойный взгляд.

— Запоздалая нежность дешевле грязи.

Обоим стало не по себе.

— Нежность-то да, — сказал Ли Ихан, — но это же деньги. Молодой господин, считайте это просто игрушкой, потратьте и забудьте.

Шэнь Чэнь повернулся и пошёл дальше.

— Не нужно. Передайте тому, по фамилии Шэнь, что до его смерти я в одностороннем порядке разрываю с ним отношения отца и сына.

— А после его смерти? — тихо спросил Ху Чжифань.

<http://bllate.org/book/16010/1570915>